
ԱՐՇԻԼ ԳՈՐԿԻ (ԱՌՈՅԱՆ). Նամակներ. Կազմեց և խմբագրեց Սեյրանուհի Գեղամյանը. Երևան, Հրատ. «Գրաբեր», 2005, 179 էջ:
Arshile Gorky. Letters. Аршил Горки. Письма.

Письма никогда не пишутся для широкой публики, но эпистолярное наследие как особый литературный жанр несомненно обладает свойством привлекать внимание читателей. Причина, может быть, в обычном человеческом любопытстве, ведь письма, предназначенные одному человеку, слишком личностны, субъективны, эмоциональны, но этим, вероятно, привлекательны и ценны. А если это письма художника, внимание обостряется с особой силой: не слишком разговорчивые, оперирующие совсем иными выразительными средствами художники берутся за перо в исключительных случаях, когда внутренний сгусток мыслей и чувств требует выхода с помощью слов. Вспомним популярность ваноговских писем брату Тео, из которых мы узнавали не только о том, что думал художник об искусстве и жизни, но и проникались болью за попорченную человечность.

А сейчас речь идет о письмах Аршила Горки к младшей сестре, об этом нескончаемом напряженном диалоге художника — армянина из Вана, спасшегося от Геноцида, оказавшегося в Америке и создавшего здесь свою изобразительную систему, коренным образом отличающуюся от всех существующих тогда в американском искусстве. Это разительное отличие заключалось в том, что мир, как объективная реальность, раскрывается в произведениях Аршила Горки в форме эмоциональных и интеллектуальных интерпретаций. А объективной реальностью для Аршила Горки до конца его короткой жизни оста-

валась непостижимая по своей жестокости катастрофа Геноцида, изгнание из родного Хоргома — села на берегу озера Ван (современный снимок села помещен в книге), которое оставалось в памяти неким представлением о реально существующем когда-то счастье, таким по-человечески простым и уже недостижимым, с обжитым земным местом, где он жил с мамой, сестрой и родственниками, где остался родной дом, абрикосовый сад, цвет и запах Вана...

Книга "Аршил Горки (Адоян). Письма" (на армянском и английском языках. Составитель С. Гегамян, перевод писем с английского на армянский М. Саринян), приуроченная к 100-летию со дня рождения художника, вышла в свет благодаря усилиям бескорыстного и преданного служителя армянского искусства Шаэна Хачатряна, в недавнем прошлом директора Национальной галереи РА и Музея Сарьяна, много и плодотворно занимающегося проблемами армянской культуры, в том числе и спюрка. Обстоятельства появления книги описаны Шаэном Хачатряном в обширной и насыщенной вступительной статье к сборнику, где, не вдаваясь в терминологические дискуссии, он прослеживает попытки зарубежных исследователей проникнуть в суть искусства Аршила Горки. Приведенные цитаты из их работ говорят о предельной объективности Ш. Хачатряна по отношению к этим талантливым представителям своей профессии, теоретикам западного авангарда, ощущающих масштаб таланта Аршила Горки и оцени-

вающих его творчество с точки зрения бесспорных общечеловеческих истин. Но лишь немногие и лишь самые проницательные из этих известных искусствоведов смогли приблизиться к истине и основному стимулу творчества художника, к главной причине его духовной неприкаянности. И среди них — наш соотечественник Питер Балакян, озаглавивший свою объемную статью в журнале "Искусство в Америке" (февраль 1996 г.) "Аршил Горки и Геноцид армян", где он, как пишет Шаэн Хачатрян, обобщив работы, посвященные творчеству художника, отметил, что все они "по тем или иным соображениям обходят факт Геноцида" (с. 10), факт, который сквозным мотивом проходит через все его творчество, от начала и до конца посвященное родине. Не замечать этого, выносить за скобки эту причину и говорить лишь о "невероятной сверхчувствительности" его мастерства, называть его "самым артистичным, самым европейским художником" — значит судить об искусстве Аршила Горки не по существу, а по касательной. В одном из писем художник с горечью пишет, что Армения — неизвестная миру земля, а иначе как объяснить, что "армянские глаза моей матери они называют пикассовскими, армянскую печаль — византийской или русской".

Теперь, когда мы по-существу впервые и в таком охвате получили возможность прочитать письма Аршила Горки к младшей сестре, нам раскрылась и его нежная и страстная душа с одолевающей его временами смертельной тоской. Один из тех, кто спасся от резни, невольно оказавшись в Америке, ищет спасение в творчестве. "Творчество стало ему родиной", — пишет один из исследователей его искусства. Художник отдавался работе до изнурения, до головокружения и дрожания в коленях. Он счи-

тал возможности живописи неограниченными. Каждая строчка письма — попытка осмыслить новую реальность, покрывающую собой развалы прошлого счастливого мира, который продолжает отбрасывать громадную тень на сегодняшнюю действительность. Его эмоциональная палитра удерживает свой мир, полный достоинства, где не унижают идеалы, не калечат человечность. Художник желает обрести себя, ищет приложения неумемной жизненной энергии, которую, может быть, и не ощущал раньше, а сейчас она дышит, пробужденная толщей национальных традиций.

Каждое письмо говорит о мощном интеллекте и сложной нервной организации великого художника. Он сокрушается о невежестве мира, в который он попал, где царит безразличие к духовным ценностям. "Культура Америки — это культура техники". "Их бог техника", — заключает художник. Это порождает искреннее недоумение: "странное дело: армянин в Америке".

Каждое письмо — исповедь. Почти в каждом упоминается мать, образ и судьба которой преследовали художника до конца жизни и превратились в живое воплощение всего благородного, светлого, справедливого, отождествляясь с понятием Родины. Оказавшись в контексте иной культуры, художник своим творчеством пытается выйти из потрясения, вызванного взломом старого гуманного мироздания. Воспоминания о родине обжигают, просятся наружу, устремляются к горам Армении, к ее высочайшей вершине — Арарату, мощь которого, как пишет художник, нельзя сравнить ни с океанскими горизонтами, ни с широчайшими просторами России и Китая.

В тоске по собеседнику, преодолевая невыносимое одиночество ("нужно бороться, чтобы не остаться одино-

ким"), он откликается на каждый толчок сердца очередным письмом и выкладывает с помощью слов свои духовные терзания, переплавляет их в удивительные образцы высокой прозы, где нас поражает многозвучие и раскованность слога и стройное изложение мыслей при всей горячности интонации. Каждое письмо внутренне самодостаточно, цельно и написано на предельном накале мыслей и чувств. Их исповедальность поражает неожиданной ассоциативной переключкой, сближением с образом другого великого армянина из X века.

Таковы впечатления по прочтении этой книги, несмотря на предупреждение, сделанное в предисловии Ша-

ном Хачатряном о том, что письма претерпели двойной перевод (с армянского на английский и вновь с английского на армянский). Мощная внутренняя сила писем передается читателю, заставляет внимать художнику и думать. Думать о судьбе нации, о ее будущем и прошлом.

Книга издана коллекционным тиражом в 500 экземпляров и уже раздаренная или проданная, разошлась по читателям, даже несмотря на ее довольно высокую цену. И в этом ее главный недостаток — при всей своей предсказуемой востребованности она оказалась недоступной для многих, кто хотел бы ее иметь.

МАРИНА СТЕПАНЯН